

Проведенные контрольные вскрытия показали, что все предметы за редкими исключениями благополучно перенесли эвакуацию[10].

В августе 1945 г. все эвакуированные в Свердловск коллекции Эрмитажа благополучно возвратились в Ленинград.

Примечания

1. ГАСО, Ф.Р-286, Оп.2, Д.50, Л.8.
2. Там же.
3. Там же.
4. Варшавский С., Рест Б. Подвиг Эрмитажа. Л., 1985. С.99.
5. ГАСО, Ф.Р-286, Оп.2, Д.50, Л.8.
6. ЦДООСО, Ф.4, Оп.38, Д.86, Л.26.
7. Там же.
8. ГАСО, Ф.Р-286, Оп.2, Д.60, Л.52.
9. Там же. Д.57, Л.102.
10. Сообщения Государственного Эрмитажа. Вып. 10. Л., 1960. С.16 – 17.

К.И. Зубков
Екатеринбург

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ИДЕИ В ТВОРЧЕСТВЕ ФЕОФАНА ПРОКОПОВИЧА («СЛОВО ПОХВАЛНОЕ О ФЛОТЕ РОССИЙСКОМ», 1720 г.)

В яркой плеяде деятелей петровской эпохи выдающееся место занимает фигура крупнейшего церковного деятеля той поры Феофана (Элеазара) Прокоповича (1681–1736). Его по праву можно считать не только преданным исполнителем воли и предначертаний Петра I, но и виднейшим идеологом петровских реформ и всей становящейся политической системы русского абсолютизма. Богословское и политико-философское творчество Феофана выходит далеко за рамки обоснования церковной реформы Петра. Оно оказало большое влияние на всю систему идей русского Просвещения. Даровитый представитель малороссийского ученого православия, ректор Киево-Могилянской академии, Феофан Прокопович вырос в высокообразованного, искусственного теолога, использовавшего для защиты и торжества модернизированного им православия не только религиозные уроки, почерпнутые у иезуитов в Польше и Риме, но и передовые научные идеи своего времени. Как ни парадоксально, защищая основы веры, Прокопович пытался согласовать их боговдохновенный характер с научным рационализмом европейского типа, тем самым, способствуя – вольно или невольно – секуляризации общественного сознания.

На Западе и в России секуляризация приобретала несколько разные конфигурации: если в Западной Европе она шла по линии высвобождения дела просвещения из-под влияния церкви, придания ему светского характера, то в России, учитывая стадиальное отставание, она находила соответствие западному образцу в основном в завершении процесса секуляризации государства. Иначе говоря, высвобождающейся из-под влияния церкви «культуре» как функции формирующегося общества западного типа в России в этот переломный период субститутом служило «государство», одерживающее окончательную победу над церковью и превращающее ее в отрасль государственного управления. Эрудиция и талант Феофана Прокоповича проявились не только в его основополагающих политических и исторических трудах, которые уже неоднократно и достаточно подробно анализировались исследователями [1], но и в целом ряде панегириков, сочиненных по случаю громких побед русского оружия и в память выдающихся деяний Петра Великого [2].

Внимательное знакомство с панегирическими сочинениями Феофана позволяет обнаружить в его творчестве ряд типичных для европейского

Просвещения рационалистических и натуралистических концепций, затрагивающих область истории и политики, – в частности, и те, которые перекликаются с «Духом законов» Монтескье и в дальнейшем легли в основу геополитики. Плотный строй таких идей мы обнаруживаем в принадлежащем перу Феофана Прокоповича «Слове похвальном о флоте российском», произнесенном в присутствии царя и всего «синклита» 8 сентября 1720 г., в день триумфального привода в Петербург плененных в сражении у Гренгама шведских фрегатов [3].

Феофан в своей речи развернул целую систему аргументов, доказывающих, «как собственно российскому государству нужный и полезный есть морской флот». В своих рассуждениях псковский епископ тонко совмещает теологию и рационализм, религиозный и секулярный взгляды на этот вопрос. Видя в создании морского флота Петром реализацию божественного предначертания, Феофан, прежде всего, задается вопросом о том, для чего среди своих творений Бог создал «поля водная, моря и безмерный океан», которые, в отличие от рек и источников, непригодны «к питию». Заметим, что Феофан использует здесь для общего описания мироздания весьма архаичную его модель, ссылаясь на «толикое вод множество, болшую часть земноводного сего круга объемшее» [4].

Перед нами, по существу, средневековая, доколумбова модель плоской Земли (то, что греки называли Ойкуменой, а римляне *Mundus*), где весь обитаемый мир расположен в Северном полушарии компактным материковым массивом с прилегающими островами и со всех сторон окружен океаном. Отмечая феномен противоречивого совмещения в сознании людей средневековья представлений о шарообразности Земли (о чем было известно еще Эратосфену) и идеи плоской суши, омываемой рекой Океаном, английский географ, основатель геополитики Х.Дж. Маккиндер объяснял его антропной, культурно обусловленной природой восприятия географического пространства – прежде всего, тем, что сведения о существовании других континентов и о шарообразности Земли долгое время носили спекулятивный, сугубо теоретичный характер. Расширение же географического кругозора большинства европейцев на переломе средних веков и Нового времени все еще шло в основном по пути расширения актуальных знаний об окружающих землях Старого Света, чему вполне удовлетворяла модель плоской Земли. Маккиндер подмечает также связь национальных моделей восприятия географического пространства с особенностями местоположения отдельных стран. Так, перед Британией, которая изображалась на средневековых картах (и потому, вероятно, ощущала себя) находящейся на краю обитаемого мира, открытие Америки Колумбом и освоение европейцами просторов Атлантического океана внезапно открыло перспективу совершенно нового самоопределения – нахождения в самом центре Мирового океана [5].

Совсем другое дело – Россия, которую эпоха Великих географических открытий лишь укрепляла в сознании своего «осевого» местоположения в центре материка. Таковой она, в сущности, продолжает мыслиться и у Феофана Прокоповича – в виде того самого «земноводного круга», «славной и сильной монархии, полуденная и полуночная моря обдержажая» [6]. Таким образом, перед нами уже не столько прячущаяся за авторитетом Священного Писания псевдонаучная географическая модель мира, сколько геополитическая.

Сотворение морей и «безмерного океана» Феофан, со ссылкой на «Беседы на Шестоднев» Василия Великого, приписывает «промышлению» Создателя, который, не позволив разным странам иметь все блага земные,

«житию нашему потребныя», заложил тем самым среди народов основы «взаимного друголюбия»: «Разделил убо Творец земная своя блага различным странам по части, да бы так, едина от другой требуя взаимного пособия, лучше в любовный союз сопрягаться могли» [7]. Опираясь на идею божественного промысла, Феофан оригинально развивает наивно-диалектическую мысль о взаимообусловленности разобщенности и единства народов как необходимого элемента мироустройства. Это суждение Феофана Прокоповича вполне контактирует с системой идей, характерных для раннего этапа развития европейской геополитической мысли. Оно, в частности, перекликается с идеей «политического равновесия» французского дипломата и политика рубежа XV–XVI вв. Филиппа де Коммина, который объяснял современную ему европейскую систему политики, где одно государство с необходимостью уравнивает и сдерживает другое, мудрым божественным устройством [8].

Дальнейший ход рассуждений Феофана свидетельствует о неплохом знании им техно-географических аспектов человеческой истории. Он заключает, что «великий промысел Божий пролился премож селения человеческая водное естество» именно потому, что людям невозможно было «иметь коммуникацию земным путем от конец до конец мира сего» [9]. Здесь Феофан включает в цепь рассуждений многократно удостоверенный опытом истории факт преобладания морских торговых коммуникаций над сухопутными. Много позднее эта идея стала одним из краеугольных постулатов классической геополитики, найдя всестороннее отражение в «геоисторических» концепциях Х.Дж. Маккиндера и А.Т. Мэжэна [10].

Неотразимость аргументации Феофана, доказывавшего, что тот, кто не признает потребности в развитии морского флота, «не любит добра своего и Божию о добре нашем промыслу не благодарен есть», есть лишь пролог для дальнейших заключений о пользе флота для России. Автор панегирика, во-первых, полагает, что поскольку «не к единому морю прилежит пределами своими сия монархия», то не иметь морских кораблей было бы для величия России «безчестно и укорително». Во-вторых, автор подчеркивает, что Россия много проигрывает оттого, что россияне, стоя «над водою», принимают и отпускают «гостей», а сами не могут воспользоваться преимуществами морской торговли. Феофан Прокопович метко сравнивает получившую морские выходы, но не имевшую сильного флота Россию с мифическим Танталом, который, стоя по горло в воде, по воле богов никогда не мог напиться.

Отсутствие морского флота обрекает страну на экономическую зависимость от своих соседей, одновременно умаляя, шаг за шагом, эффективность контроля России над своими собственными землями: «И по тому и наше море не наше. Но смотрим, как то и поморие наше». Поэтому без флота, заключает Прокопович, Россия не могла бы ни возратить свои когда-то утраченные «поморския страны», ни удержать вновь приобретенные в войне со Швецией [11]. Последняя мысль, без преувеличения, выдает в Феофана Прокоповича незаурядного мыслителя-геополитика, ясно представляющего связь политической силы государства с особенностями его географического положения.

От этих выводов Феофан переходит к разбору стратегических преимуществ морского флота как средства нападения и обороны. Если «земный неприятельский приход издали слышан и нескор» и к нему можно приготовиться, то нападение силами флота всегда отличается внезапностью. Против флота, продолжает Феофан, невозможно выстроить на суше

«подобающую оборону», поскольку маневренность военно-морских сил не позволяет предвидеть, «на который берег он выйдет» и «на который город нападёт». По этой причине, замечает Феофан, многие приморские торговые города пострадали даже «не от сильного супостата», а от нападений пиратов. Даже когда флот неприятеля не достигает своим нападением нужных целей, он всякий раз имеет возможность беспрепятственно и без урона отойти, если за ним нельзя выслать морской погони [12].

По глубине и точности анализа то, что Ф. Прокопович пишет о преимуществах военно-морской стратегии и тактики, вполне сопоставимо с тем, что было высказано в конце XIX в. ведущим теоретиком «морской силы», американским адмиралом А.Т. Мэхэном. Феофан заключает свои рассуждения сильным по образности и убедительности выводом: «Поморию, флотом невооруженному, так трудное дело с морским неприятелем, как трудно связанному человеку драться с свободным или как трудно земным при реке Ниле животным обходиться с крокодилами» [13].

Противостоять вражескому флоту в приморских землях может только флот. Без «тщательного духа ко устройению флота и ко обучению морского плавания», по мнению Прокоповича, невозможно было России и удержать прибалтийских земель, завоеванных «единою землею силою». Именно предваряемое Божьим промыслом создание флота Петром I, по мысли Феофана Прокоповича, позволило коренным образом повернуть ход Северной войны и перейти от обороны российских пределов к систематическому давлению на противника, заставляя его чувствовать «тесноту свою» у собственных берегов и терпеть «глад» от морской блокады [14].

Вышеприведенный анализ одной из сюжетно-тематических линий «Слова похвального...» (как можно судить по историографии, не удостоенной до сих пор внимания историков) позволяет увидеть в лице Феофана Прокоповича блестящего политического мыслителя, стоявшего на уровне передовой общественной мысли Европы своего времени, а кое в чем превосхитившего проницательностью и глубиной своих суждений ряд постулатов геополитической мысли рубежа XIX–XX столетий.

Примечания:

1. См.: Чистович И.А. Ф. Прокопович и его время. – СПб., 1868; Морозов П. Ф. Прокопович как писатель. – СПб., 1880; Ничик В.М. Феофан Прокопович. – М., 1977; Смирнов В.Г. Феофан Прокопович. – М., 1994; и др.
2. См.: Панегирическая литература петровского времени / Под ред. О.А. Державиной. – СПб., 1979.
3. История Свейской войны / Сост.: Т.С. Майкова. – Т. I. – М., 2004. – С. 514–515. Публикация «Слова...» отдельным изданием была осуществлена 14 октября 1720 г. в Александро-Невском монастыре в Санкт-Петербурге.
4. Прокопович Ф. Слово похвальное о флоте российском // Панегирическая литература петровского времени. – С. 238.
5. Mackinder H.J. Britain and the British Seas. – L., 1902. – P. 13.
6. Прокопович Ф. Указ. соч. – С. 239.
7. Там же. – С. 238–239.
8. См.: Филипп де Коммин. Мемуары. – М., 1986. – С. 206–207.
9. Прокопович Ф. Указ. соч. – С. 239.
10. См.: Mackinder, Halford John. The Geographical Pivot of History // The Geographical Journal. – 1904. – Vol. XXIII, No. 4. – P. 421–437; Мэхэн А.Т. Влияние морской силы на историю. 1660–1783. М.; СПб., 2002.
11. Прокопович Ф. Указ. соч. – С. 239.
12. Там же. – С. 239–240.
13. Там же. – С. 240.
14. Там же.